

Радость: маркеры эмоции в монгольском фольклоре

Елена Викторовна Комкова

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

Аннотация. Статья посвящена лексико-стилистическим маркерам эмоции «радость» в текстах монгольского фольклора, собранных Центром типологии и семиотики фольклора РГГУ в ходе экспедиций 2006–2008 гг. Анализируются количество и частота использования соответствующих слов-маркеров (эмонимов), коммуникативные ситуации их появления. Как выясняется, они встречаются сравнительно редко (вообще выражение в текстах положительных эмоций регистрируется реже отрицательных) — обычно в сказочных и поэтических жанрах, а также в сообщениях, имеющих установку на достоверность, чаще всего в «мужских» текстах. Зачастую понимание радости (как ситуативного переживания) абстрактно и сливается с пониманием счастья (как продолжительного состояния) — именно так радость представлена в финалах сказок или в текстах благопожеланий. Наконец, лексико-стилистические маркеры радости оказываются одними из наиболее удобных для перевода — обстоятельства их употребления, как и их сочетаемость с маркерами иных эмоциональных состояний, в монгольском и русском культурном дискурсе. оказываются достаточно схожими.

Ключевые слова: радость, эмоции, фольклор, сравнение, персонажи.

Дата поступления статьи: 30 июня 2023 г.

Дата публикации: 25 сентября 2023 г.

Для цитирования: Комкова Е. В. Радость: маркеры эмоции в монгольском фольклоре // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 90–97.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2023.24.3.007>

Исследования, связанные с описанием и ролью эмоций в текстах фольклора, затрагивают широкий круг проблем, включая сравнение сходств и различий в выражении эмоциональных состояний — в пределах одной этноязыковой традиции или в разных языках.

Хотя ученые подходят к данной проблематике с разных позиций, существует и нечто общее, а именно — представление о «базовых» эмоциях и вытекающие отсюда вопросы об их универсальности и этнокультурной специфичности. Если рассматривать выражение эмоции как перевод с «языка тела» на «язык слов», то до какой степени возможен, например,

его адекватный перевод на другой язык и какие именно значения при этом доходят до собеседника? Так, еще В. Я. Пропп, отмечая общечеловеческий характер «смешного», говорил и про различия в проявлении эмоциональных реакций у представителей разных наций [Пропп 1999, 8], а А. Вежицкая утверждала, что люди могут переживать и выражать множество эмоциональных состояний, что «у каждого языка есть свой набор готовых слов, обозначающих те эмоции, которые члены данной культуры признают особенно важными», причем отсутствие в некоем языке слова, обозначающего эмоцию, еще не свидетельствует о том,

что у представителей данной культуры отсутствуют соответствующие переживания либо они не смогут его понять и каким-то способом выразить, — тут нам должен помочь анализ контекста употребления слова, обозначающего эмоцию [Wierzbicka 1992, 124].

В данной статье используется понятие «лексико-стилистический маркер эмоции (эмоним)» — единица языка (слово, выражение), передающая информацию об эмоциональном состоянии говорящего или какого-либо третьего лица, о котором идет речь. Работа с лексико-стилистическими маркерами эмоции в записях устных текстов позволяет проанализировать конкретные лексические конструкции, передающие определенные переживания внутри повествовательного дискурса, проанализировать контексты этих словоупотреблений, а также дает возможность отследить оттенки различий в их переводе.

Есть два типа лексико-стилистических маркеров. Первый можно условно назвать «личностным», он индивидуален для каждого респондента и определяется тем, какие эмоции человек испытал сам и как он их для себя определил. Во втором случае речь идет об обобщенном определении эмоционального состояния, об общепринятой классификации эмоций, включая научную. И носитель традиции, и ее внешний наблюдатель анализируют слова-маркеры на обоих уровнях. «Разные культуры, — замечает П. Е. Клобуков, — могут реализовывать различные элементы содержания в эмоциональных концептах, а также не иметь специальных терминов для тех или иных эмоциональных состояний, даже если индивид, принадлежащий к данному культурному сообществу, в действительности переживает какие-то внутренние процессы» [Клобуков 1998, 120].

Материалом для данной статьи послужили записи монгольских фольклорных экспедиций Центра типологии и семиотики фольклора РГУ¹. Было отобрано 32 сплошные беседы-интервью, в которых встречались слова-маркеры эмоций,

а в них выделено 137 фольклорных текстов разного объема, имеющих жанровую определенность. Работа велась с расшифровками архивных записей, которые последовательно в течение трех лет (2006–2008 гг.) делались в разных областях Монголии (аймаки Центральный, Восточный, Хэнтэйский, Сухэбаторский, Убурхангайский, Хубсугульский, Булганский, Дзабханский). Это давало возможность рассматривать поставленную проблему в контексте актуальных представлений, что помогало выявить некоторые закономерности в использовании слов-маркеров эмоций.

При обычном разделении эмоций на «положительные» и «отрицательные» основное внимание чаще уделяется эмоциям второй группы. Возможно, так происходит потому, что здесь имеет место опора на индивидуальный опыт, расцениваемый как специфический, тогда как «положительные» эмоции ощущаются как более общие; насколько такой подход обоснован, попытаемся ответить в этой статье. Согласимся с В. А. Поздеевым, что часто в фольклорных текстах ситуация, порождающая эмоцию, не описывается подробно, потому что является универсальной и не требует раскрытия для слушателя [Поздеев 2019, 4], например, респондент ограничивается замечанием «она обрадовалась», не конкретизируя, как и от чего это произошло; впрочем, подобная ситуация не является общей для всех проанализированных в статье текстов.

Проявления *радости* встречаются в прозаических и поэтических фольклорных жанрах. В количественном отношении лексико-стилистические маркеры радости «проигрывают» *страху*, *гневу* и *печали*: 22 против 53, 32 и 42 соответственно. У *любви* мы видим 35 слов-маркеров, у *счастья* — 31. *Радость* встречается преимущественно в сказках (7 случаев маркирования) и в поэтических текстах хвалебной направленности: *юрол* 'благопожелание', *магтал*, *цол* 'восхваления' (6 случаев); они исполняются в ходе обрядов, или же обрядом является

¹ Мифо-ритуальные традиции Монголии. База данных // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/mongmain.htm?_cf_chl_tk=EtjVF08ExKpDOCE9qrzGa_O1nTL7Eo8iKpVTRcDNYU-1653509545-0-gaNycGzNCT0 (дата обращения: 10.05.2023). Все приведенные в статье примеры взяты из этого источника.

само их исполнение, призванное воспеть и упрочить счастье и благополучие человека, людского сообщества, какого-либо предмета или явления.

В 3 случаях маркер присутствует в рассказе о вернакулярном веровании (рассказ собеседника о том, как занять в юрте «правильное» место и почему следует это сделать), в 2 случаях — в меморатах («можно ли петь в степи?», «можно ли на радугу показывать пальцем?»), по 1 разу — в паремии, в отрывке из стихотворения (цитата по памяти из «Слова об ангилоне», приписываемого народному поэту XIX в. Чойсу), в личном биографическом нарративе (рассказ собеседника о себе, о своем прошлом), в легенде («О том, как появился Хубсугул») и в рассказе о том, как правильно исполнять обряд («Как говорят магтал?»).

Исходной для анализа рассказов респондентов об обрядах стала оптика С. Ю. Неклюдова, примененная им в работе с нарративами об обрядах, где выделены следующие типы высказывания об обряде: «инструкция» (описание обряда, включающее либо предписание — как следует его проводить, либо запрет — как его проводить не следует) и «экспликация» (нейтральное описание того, каким обряд бывает вообще) [Неклюдов 2013, 77]. В данной статье рассматриваются описания-инструкции, в которых слово-маркер радости подчеркивает «правильность» данного переживания.

Собеседники, поведавшие о переживании радости, были преимущественно мужчинами — 15 из 22 зафиксированных вариантов употребления слова-маркера. Это важно, поскольку «мужские» тексты в среднем менее насыщены лексико-стилистическими маркерами эмоций. К тому же этих текстов не просто больше, но и слова, маркирующие радость, встречаются в них по несколько раз, что в целом нехарактерно для интервью с собеседниками-мужчинами, — подобная закономерность, наблюдаемая по отношению к маркерам других эмоций, была замечена нами в «женских» текстах. У женщин зафиксировано только 7 случаев употребления слов-маркеров эмоции, из них по 2 случая было в текстах 2 собеседниц, причем эмоции гнева и страха были маркированы в женских текстах гораздо чаще.

Соотнесение распределения текстов по жанрам с гендерным разделением

собеседников показало, что практически все варианты употребления женщинами лексико-стилистических маркеров радости встречаются в сказках (6 из 7), 1 случай можно отнести к паремии: «*Жаргалд таишуурахгүй, зовлонд гутрахгүй явах хумуужлийг*» (В счастье слишком не радоваться, в горе не унывать) (Зап. от Б. Х., жен., 73 года, сомон Хэрлэн, Хэнтэйский аймак). Получается, что о своей радости собирателям сообщила только одна женщина, причем в контексте предписания: не радоваться слишком сильно, чтобы не навлечь на себя беду. Нарративы мужчин, содержащие маркеры радости, более разнообразны; к ним относятся хвalebные песни *юрол* и *цол*, нарратив о «правильном поведении», стихотворение, история о личных переживаниях, легенда. В этом жанровом разнообразии есть место и классическим жанрам (легенда, меморат), и «разовым» биографическим рассказам, историям о собственном опыте собеседника. При взгляде на столь заметную разницу можно предположить, что в мировоззрении данной традиции *радость* атрибутируется как некое «мужское» чувство, эмоциональное состояние, чаще присущее мужчинам.

Следует также взглянуть на сочетаемость лексико-стилистических маркеров радости и других эмоций. Чаще всего в рамках одного текста сочетаются лексико-стилистические маркеры радости и счастья, а также радости и печали (по 5 сочетаний для каждого варианта), далее в порядке уменьшения частоты идут сочетания *радости* и *любви*, *радости* и *страха* (по 3 сочетания для каждого варианта), по 1 разу *радость* в тексте сочеталась с *неприятием* и *гневом*.

Сочетание *радость* — *счастье* в сказках достаточно условно, маркеры эмоций не связаны напрямую — как «радостное» маркировано состояние героев в ходе повествования, *счастье* же является элементом формулы-концовки «и зажили они счастливо». Сочетание *радость* — *счастье* также характерно для благопожеланий и восхвалений (*юрол*, *цол*), в них просматривается прагматика умножения, повторения добрых пожеланий, исполнителю важно описать благосостояние тех, кто его слушает. Один случай сочетания *радости* и *счастья* присутствует в приведенной выше паремии, в которой

лексико-стилистических маркеров радости 17 относятся к словам, образованным от корня *баяр* ‘радость; праздник, счастливый случай’ [БАМРС. Т. 1, 236–237]. В 6 случаях мы встречаем эти слова в сказках, причем 4 из них входят в репертуар сказочницы Бөөвөө (широко известной в своей округе и отличающейся оптимистическим настроением), а один является версией распространенной общемонгольской этиологической сказки о появлении календаря: *«Верблюд стал смотреть на восток, ожидая первых лучей восходящего солнца. Мышь забралась на горб к верблюду и стала смотреть на запад. Верблюд был уверен, что увидит солнце первым. Но когда солнце стало всходить, первые лучи упали на западную гору. Мышь увидела лучи солнца первой и радостно закричала: “Солнце встало. Я увидела его лучи первой” (Наргарлаа. Би нарны туяаг эхэлж харлаа хэмээн баярлан хашиграв гэнэ). Так мышь была включена в 12 животных»* (Зап. от Н., ученицы средней школы, сомон Худжирт, Убурхангайский аймак).

Еще один пример — вариация русской сказки «Битый небитого везет» [АТУ1]: *«Один старик пошел на лодке в море. По дороге увидел мертвую лису и обрадовался — будет воротник старухе на дэли (их баярлаж, эмгэндээ дээлийн сайхан захтай боллоо гэж бодож гэнэ). Он положил лису в лодку и поплыл. Лиса же, пока они плыли, съела всю рыбу, которую наловил старик. Старик сказал старухе, что принес хорошую лису, а посмотрел — ни лисы, ни рыбы нет»* (Зап. от Б. Х., жен., 73 года, сомон Хэрлэн, Хэнтэйский аймак) [МРТМ].

Как уже отмечалось, для этих историй характерна выраженная эмоциональность героев.

Среди текстов «несказочной прозы» — 1 легенда о возникновении природного объекта и 4 фавулата с заметной дидактической функцией, а также сообщения о том, как «правильное» поведение человека радует кого-либо, например: *«Когда человек заходит в юрту и его приглашают сесть “выше”, а тот говорит “Ничего, ничего” и садится ниже, то бурхан огорчается. Поэтому в юрте надо садиться на почетное место, на которое приглашают. Тогда бурхан радуется (Бурхан баярлаж байдаг)»* (Зап. от С. Б. муж., 78 лет, Ундурхан, Хэнтэйский аймак).

1 вариант — ответ на вопрос собирателя с объяснением, как декламируют магтал, еще одно высказывание сам информант определяет как приметку: *«в дождь... Земля радуется»* (Зап. от С. Б., муж., 78 лет, Ундурхан, Хэнтэйский аймак); 4 случая относятся к поэтическим произведениям: 3 — из «Хвалы коню» (*цол*), 1 — из «Слова об антилопе». Здесь наиболее частотны случаи употребления эмонимов в фавулатах и благопожеланиях, что может быть связано с функциями этих текстов, в одном варианте — дидактической (демонстрация реакции мифологического персонажа на «правильное поведение» человека), а в другом — программирующей успех (важно описать, четко проговорить грядущее и желаемое «благо»).

Во всех остальных случаях употреблено только по одному слову. В 1 случае *радость* синонимична *счастью* (*жаргал*):

Төгс их жаргалын

Түвшин сайн өдөр гэж

Сарын сайныг саатан хүлээж

Өдрийн сайныг өнжин хүлээж

Өнөөдрийн энэ өдрийг

Өлзийтэй сайн өдөр гэж

Өндөр дэнж дээр

Өргөөгөө барьж байгаа юм байна...

(Полный радости,

В этот прекрасный день —

Хороший месяц ждали-ждали,

Хороший день ждали-пережидали —

В этот сегодняшний день,

Исполненный удачи,

На высоком месте

Ставите свою юрту...)

«Юрол юрте»

(Зап. от М. Р., муж., 63 года, сомон Худжирт, Убурхангайский аймак).

В другом варианте радость выражается через понятие *урамтай* ‘душевный подъем’ [БАМРС. Т. 3, 337]; этот фрагмент из «Юрола юрте» интересен еще и тем, что в нем *радость* как душевный подъем оказывается запараллелена с набрасыванием расправленного войлока на новую юрту:

Имеющие пяди шерсти,

Круглые курдюки,

Десять тысяч овец —

Их белую, как вата, шерсть

Настригли,
 Настигали и разбросали,
 Взбили и расправили,
 Десятью пальцами сделали,
 На конях вытянули,
 Такой огромный войлок
 По размерам вырезали,
 Сложив, набросили,
 Собрали искусных швей,
 Они сшили красиво — сердце радуется...
 (*Урамтай гоёж хийлгэсэн...*)
 (Зап. от М. Р., муж., 63 года, сомон Худ-жирт, Убурхангайский аймак).

Маркер *сайхан* ('красивый, хороший, приятный') указывает на то, что речь идет о чем-то прекрасном, радующем глаз, а *ташуурахгүй* (букв. 'не заблуждаться, не обольщаться') [БАМРС. Т. 3. С. 203] в процитированной паремии (Зап. от Б. Х., жен., 73 года, сомон Хэрлэн, Хэнтэйский аймак) заключает в себе предостережение не обольщаться счастьем (*жаргалд ташуурахгүй*), что, возможно, имеет и магический подтекст.

В высказывании «*хүний сэтгэл их сэрэдэг шүү дээ*» (на душе становится радостно) перед нами описательный оборот, в котором нет слова «радость», однако это контекстуальное значение прочитывается в описании очищения природы после дождя и появления в небе радуги (*ер нь бороо орж, тэнгэр цэлмэн, солонго татахад...*) (Зап. от Н. Д., муж., сомон Хутаг-Ундур, Булганский аймак).

Кто же может испытывать радость? Согласно рассмотренным текстам монгольского фольклора — все: люди, животные, демоны, духи, боги, но человек чаще прочих.

Персонаж, испытавший радость	Количество упоминаний
Люди (не конкретизировано, <i>юрьл, цол</i>)	5
В сказках:	
Женщина	3
Мужчина	3
Животное (женский пол)	1
В текстах жанров с установкой на достоверность:	
Женщина	1, 1 Ø (не радоваться)
Мужчина	7
Мифологический персонаж	2

Анализ количественных данных о тех, «кто испытал переживание» (а не о тех, кто из собеседников употребил слово-маркер эмоции), позволяет сделать вывод, что у групп людей выражения радости чаще всего маркированы в поэтических жанрах фольклора, а у мужчин — в нарративах с установкой на достоверность; это может быть косвенным подтверждением нашей гипотезы о радости как «мужской эмоции». Для мифологических персонажей переживание радости, в отличие от гнева, нехарактерно.

Поводом для радости служит либо нечто прекрасное, приятное для глаз (8 случаев), либо удачные обстоятельства (13 случаев). Как уже упоминалось, радость часто служит маркером успеха коммуникативного акта.

Подводя итоги, можно отметить некоторые особенности использования лексико-стилистических маркеров радости. Она появляется в текстах сравнительно редко (вообще положительные эмоции выражаются реже отрицательных), при этом эксплицитное выражение переживаемой радости куда чаще встречается в текстах, записанных у собеседников-мужчин. Маркеры радости встречаются чаще всего в сказочных нарративах и поэтических текстах; в сообщениях, имеющих установку на достоверность, маркеры радости тоже встречаются, причем их гораздо меньше в «женских» текстах, т. е. радость как собственное переживание скорее склонны описывать мужчины.

Таким образом, в картине мира данной традиции радость воспринимается в большей мере как «мужское» переживание, относящееся скорее не к обыденной жизни, а к поэзии и сказочному нарративу. Зачастую понимание радости (как ситуативного переживания) абстрактно и сливается с пониманием счастья (как продолжительного состояния) — именно так радость представлена в финалах сказок или в текстах благопожеланий. Наконец, лексико-стилистические маркеры эмоции «радость» оказываются одними из самых удобных для перевода — обстоятельства их употребления, как и их сочетаемость с маркерами иных эмоциональных состояний, в монгольском и русском культурном дискурсе оказываются достаточно схожими.

Источники и материалы

БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь / Под ред. Г.Ц. Пюрбеева. Т. 1–4. М.: Academia, 2001–2002.

ATU — The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson by Hans-Jörg Uther. Helsinki, 2004 (FFC. CXXXIII. № 284–286).

Исследования

Клобуков 1998 — Клобуков П. Е. Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1998. Вып. 4.

Неклюдов 2013 — Неклюдов С. Ю. «Дурной обычай»: признаваемые правила и реальная практика в народной культуре // Запретное / допускаемое / предписанное в фольклоре /

Ред.-сост. Е. Н. Дувакин, Ю. Н. Наумова. М.: РГГУ, 2013. С. 77–173. (Традиция — текст — фольклор: типология и семиотика).

Поздеев 2019 — Поздеев В. А. Психические состояния и эмоции, выраженные в фольклорных текстах, как проблема психофольклористики // III Всерос. конгресс фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.): Сб. науч. ст. В 5 т. Т. 4: Российская фольклористика в XXI веке. Перспективы развития. М., 2019. С. 234–242.

Пропп 1999 — Пропп В. Я. Проблемы мизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) / Науч. ред., коммент. Ю. С. Расказова. М.: Лабиринт, 1999.

Wierzbicka 1992 — Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. New York: Oxford University Press, 1992.

© Е. В. Комкова, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Комкова Е. В. <https://orcid.org/0009-0002-1566-2560>

Магистр филологии, младший научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, Поварская ул., д. 25а; тел.: +7 (495) 690-50-30; e-mail: k0mkova.e@yandex.ru

Joy: Markers of Emotion in Mongolian Folklore

Elena V. Komkova

(A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences:
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. *This article explores the lexical and stylistic markers of the emotion “joy” in Mongolian folklore texts collected by the Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies of the Russian State University for the Humanities during expeditions from 2006 to 2008. The author analyzes the frequency and usage of corresponding emotive words (emotonyms) and the communicative situations in which they occur. It is found that these markers are relatively rare, with positive emotions generally expressed less frequently than negative ones. They are typically found in fairy tales, poetic genres, and messages with an attitude of authenticity, often in “male” texts. Joy is often understood as a situational experience that merges with the understanding of happiness as a lasting state, as seen in fairy tale endings or texts of good wishes. Joy is also a convenient lexical and stylistic marker for translation, as the circumstances of its use and its combination with markers of other emotional states are quite similar in Mongolian and Russian cultural discourse.*

Key words: joy, emotions, folklore, comparison, characters.

Received: June 30, 2023.

Date of publication: September 25, 2023.

For citation: Komkova E. V. Joy: Markers of Emotion in Mongolian Folklore. *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 3. Pp. 90–97. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.007>

References

Klobukov P. E. (1998) Emotsii, soznanie, kul'tura (osobennosti otrazheniya emotsii v yazyke) [Emotions, Consciousness, Culture (Peculiarities of Emotion Reflection in Language)]. In: Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. st. [Language, Consciousness, Communication: Collection of Papers]. Vol. 4. Ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow: Filologiya. In Russian.

Neklyudov S. Yu. (2013) "Durnoi obychai": priznavaemye pravila i real'naya praktika v narodnoi kul'ture ["Bad Habit": Recognized Rules and Actual Practice in Popular Culture]. In: Zapretnoe / dopuskaemoe / predpisannoe v fol'klore [Forbidden / Allowed / Prescribed in Folklore]. Comp. and ed. by E. N. Duvakin, Yu. N. Naumova. Moscow: RGGU. Pp. 77–173. In Russian.

Pozdeev V. A. (2019) Psikhicheskie sostoyaniya i emotsii, vyrazhennyye v fol'klornykh tekstakh, kak problema psikhofol'kloristiki [Mental States and

Emotions Expressed in Folklore Texts as a Problem of Psycho-folkloristics]. In: III Vserossiyskiy kongress fol'kloristov (Moskva, 3–7 fevralya 2014 g.): Sb. nauch. st: V 5 t. T. 4: Rossiiskaya fol'kloristika v XXI veke. Perspektivy razvitiya [Proc. of the 3rd All-Russian Congress of Folklorists (Moscow, February 3–7, 2014): Collection of Scholarly Articles: 5 vols. Vol. 4: Russian Folkloristics in the Twenty-First Century. Prospects for Development]. Moscow. Pp. 234–242. In Russian.

Propp V. Ya. (1999) Problemy komizma i smekha. Ritual'nyi smekh v fol'klore (po povodu skazki o Nesmeyane) [Issues of Comedy and Laughter: Ritual Laughter in Folklore (About the Tale "Nesmeyan")]. Moscow: Labirint. In Russian.

Wierzbicka A. (1992) Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York: Oxford University Press. In English.

© E. V. Komkova, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Komkova <https://orcid.org/0009-0002-1566-2560>

E-mail: k0mkova.e@yandex.ru

Tel.: +7 (495) 690-50-30

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Master of Philology, Junior Research Fellow, Folklore Division, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)